Научная статья
УДК 316
DOI: 10.17213/2075-2067-2022-4-246-254

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ КАК ФАКТОР УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНА (НА ПРИМЕРЕ ЮГА РОССИИ)

Светлана Александровна Тихоновскова

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
tihonovskova@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 567358, SPIN-код: 7820-0054

Аннотация. ***Цель исследования*** *заключается в анализе культурной безопасности как фактора устойчивого развития Южно-Российского региона.*

Методология исследования *основывается на положениях функционального и субъектно-субъектного подхода, содержащих возможности определения субъектов регионального социума, вносящих негативный или позитивный вклад в состояние культурной безопасности регионов и в этом смысле влияющих на перспективы устойчивого регионального развития.*

Результаты исследования *заключаются в том, что культурная безопасность является условием организации и закрепления жизненных укладов субъектов регионального социума, содержит возможности и риски пути устойчивого регионального развития. Исходя из специфики Южно-Российского региона как поликультурного и пограничного, культурная безопасность определяется возможностями блокирования внутренних и внешних вызовов.*

Перспективы исследования *заключаются в дальнейшем углублении анализа культурной безопасности Южно-Российского региона на основе опыте управления региона в предшествующий период и планирования изменений в жизни региона в контексте расширения возможностей субъектов региона социума и повышения ответственности региональных элит.*

Ключевые слова: *культурная безопасность, поликультурный регион, пограничье, экстремизм, терроризм, сепаратизм, маргинальные группы, региональные элиты, культурные конфликты*

Для цитирования: *Тихоновскова С. А. Культурная безопасность как фактор устойчивого развития региона (на примере Юга России)// Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15, № 4. С. 246–254. http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-246-254.*

© Тихоновскова С. А., 2022

Original article

CULTURAL SECURITY AS A FACTOR OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT OF THE REGION (ON THE EXAMPLE OF THE SOUTH OF RUSSIA)

Svetlana A. Tikhonovskova

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
tihonovskova@yandex.ru, AuthorID RSCI: 567358, SPIN: 7820-0054

Abstract. ***The purpose of the study*** *is to analyze cultural security as a factor of sustainable development of the South Russian region.*

The methodology of the research *is based on the provisions of the functional and subject-subject approach, which contain the possibilities of determining the subjects of regional society that make a negative or positive contribution to the state of cultural security of regions and in this sense affect the prospects for sustainable regional development.*

The results of the study *are that cultural security is a condition for the organization and consolidation of the way of life of the subjects of regional society, contains opportunities and risks of the path of sustainable regional development. Based on the specifics of the South Russian region as a multicultural and borderline, cultural security is determined by the possibilities of blocking internal and external challenges.*

The prospects of the study *are to further deepen the analysis of the cultural security of the South Russian region based on the experience of the region's management in the previous period and planning changes in the life of the region in the context of expanding the capabilities of the subjects of the region of society and increasing the responsibility of regional elites.*

Keywords: *cultural security, multicultural region, borderlands, extremism, terrorism, separatism, marginal groups, regional elites, cultural conflicts*

For citation: *Tikhonovskova S.A. Cultural security as a factor of sustainable development of the region (on the example of the South of Russia) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2022; 15(4): 246–254. (In Russ.). http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-4-246-254.*

Актуальность темы исследования. Устойчивое региональное развитие вошло в публичный дискурс российской социально-политической мысли в период начала 2000-х гг. Этому предшествовал болезненно затянувшийся процесс дезинтеграции регионального пространства, «парада суверенитетов», региональной фронды. Как говорится, российские регионы ощущали влияние трех «базовых» рисков: экстремизма, терроризма, сепаратизма. Точнее, если расставить акценты, на первое место выходил региональный сепаратизм, политика и практика дистанцирования от федерального центра, нелегитимных отношений в правовой сфере, претензий региональных элит на монополию власти и собственности. Все это в совокупности порождало эффект отторжения неравенства и недоверия между федеральным центром и регионами и вносило напряженность в межрегиональные отношения. Достигнутый к началу 2000-х гг. результат по централизации политико-правовой сферы, перестройки межрегиональных отношений по принципу иерархии в соответствии с финансово-экономическими и политико-административными ресурсами, а также становление отношений с федеральным центром на основе стратегии влияния на развитие региона поставили задачу определить схему регионального раз-

вития. В этом смысле была растиражирована идея устойчивого регионального развития, что не являлось теоретической инновацией, так как концепция устойчивого развития актуализировалась в конце 70-х гг. XX в. относительно перспектив глобального развития. Что в ней было нового, так это особенности становлений и развития общерегионального пространства в России, переход от «анархии» 90-х гг. XX в., сопровождаемых эффектами сепаратизма и экстремизма, к формированию централизованных отношений [8].

Это в определенной мере привело к компромиссной формуле устойчивого развития региона, где в принципе стандартные процедуры централизации транслировались в предложение регионам, от которого «нельзя было отказаться»: устойчивое региональное развитие интерпретировалось как общая цель федерального центра и регионов, связанная с закреплением социально-правового порядка, прогнозируемостью социальных изменений, нахождения оптимальных форм внутрирегиональных и межрегиональных отношений. Основная миссия принадлежала федеральному центру и связывалась с углублением влияния на региональные процессы после завершения периода «собирания региона».

В период «тучного» десятилетия притока нефтедолларов для федерального центра приоритетной стала стратегия финансовых трансферов, поддержки устойчивого регионального развития путем финансирования различных региональных программ и одновременного перераспределения финансовых ресурсов между регионами-донорами и регионами-адресатами. Однако, здесь же актуальными стали два вопроса. Во-первых, формирование и реализация критериев устойчивого регионального развития, которые, конечно же, могли не иметь императивного характера, но включать рамочные условия [5]. Теория устойчивого регионального развития могла при всей ее привлекательности и интенсивности внедрения вызывать сомнения по поводу того, какие критерии устойчивого регионального развития являются наиболее достоверными и обоснованными и могут быть реально использованы в управлении регионами. Во-вторых, модель финансовых трансферов являлась ограниченной по причине узкой базы финансирования и налогообложения, воспроизводила зависимость от ситуации на рынке углеводородов, и существенно то, что усиливало иждивенческие настроения на уровне региональных элит, сконцентрированность усилий на сохранение социальной стагнации. Рискнем предположить о заинтересованности в показателях депрессивности региона как «бедного», испытывающего постоянную потребность в финансовой помощи федерального центра. Ярким примером можно назвать Курскую, Орловскую области, а в Южно-Российском регионе — Калмыкию и Адыгею. Негативный результат состоял в том, что в 2012–2014 гг. в отмеченных субъектах Российской Федерации основные социально-экономические показатели не только продемонстрировали признаки регресса [1], но и ухудшились по сравнению с предшествующим периодом 2000-х гг. Очевидно, нужно усвоить урок относительно того, что социально-экономическая стагнация не тождественна социально-экономическому развитию, что устойчивость возможна только с постепенным переходом на режим социальных инноваций, становлением точек роста регионального развития, включением новых механизмом социального воспроизводства в регионе. Таким образом, есть необходимость определить контуры и цели устойчивого регионального различия в настоящем, основываясь на лимитности финансовой модели и определении новых ресурсных источников, среди которых реальный интерес представляет культурная безопасность региона.

Методология исследования. На пике увлечения идеей устойчивого регионального развития как основного ориентира становления общерегионального пространства в России были очевидными надежды на сужение «непознанности» российского пространства через актуализацию методологии функционализма и применения процедур реидентификации региональных общностей, изменений их ментальных карт. Обратим внимание на понятие «ментальные карты», которое, к сожалению, в тот период не закрепилось в теоретико-методологическом дискурсе и развивалось преимущественно как приложение к критериям социально-экономического и административно-территориального характера.

Полученные представителями функционального подходы результаты [7] рассматривали устойчивое региональное развитие в рамках влияния стратегии финансовых трансферов как достаточное для становления стабилизации регионов, но недостаточное для перехода к расширению возможностей устойчивого регионального развития. Ограничением в актуализации функционала, на наш взгляд, можно считать, что определенность социальных позиций, связанных с дифференциацией межрегионального и внутрирегионального пространства, слабо коррелирует с социальными диспрозиями, формирующими общую структуру субъектов регионального развития. В частности отмечалось, что в российском общерегиональном пространстве, где желаемыми и ожидаемыми являются критерии экономического роста, не учитывается влияние взаимоотношений внутри конкретного регионального пространства, что культурный фактор как организация социально-хозяйственной и духовной жизни в региональном пространстве образует самостоятельный уровень в региональном развитии, может как носить элементы дестабилизации (неустойчивости), так и содержать ресурсный потенциал ускорения региональных процессов [5].

С ограничением влияния «функционала» выхода на социальное проецирование в контексте отказа от идеи «абсолютного» устойчивого развития и влияния теории рисков (О.Н. Яницкий [10]) наблюдался тренд к принятию субъектно-деятельностной модели устойчивого регионального развития (В.В. Маркин [8]). Определение их теоретических позиций как ведущих можно назвать возвратом к авторитетности в социологии, диктуемой выбором федеральным центром стратегии легитимации «ограниченной» автономности регионов. Уверенности в том, что федеральный центр не только несет ответственность за распределение финансовых ресурсов и принятие и поддержку социальных проектов, но и является гарантом безопасности регионального пространства, если не преследовать амбициозную, но трудно решаемую цель социальной консолидации регионов [9].

Для Южно-Российского региона, в котором просматривается тенденция потребности формирования новой консолидирующей культуры, есть необходимость анализа культурной безопасности и в ее «негативном» аспекте как нейтрализация и ограничение рисков экстремизма, терроризма, сепаратизма и позитивного аспекта, связанного со способами и установками на концентрацию и мобилизацию ресурсов устойчивого регионального развития. Отмечается, что культура консолидации как наиболее мощный фактор устойчивого регионального развития, учитывая поликультурность Южно-Российского региона, определяется состоянием сбалансированности интересов социальных, этнических, социально-демократических групп как субъектов регионального пространства. В условиях происходящего процесса социальной дезинтеграции российского общества это сказывается на внутрирегиональных отношениях по критериям социальной и социально-пространственной дифференциации. Для устойчивого регионального развития в контексте Южно-Российского региона актуальным является определение подходов, способствующих сглаживанию социальных различий, носящих избыточный характер, с целью предупреждения их перехода в состояние культурной конфликтности [2]. Чтобы эта «перспектива» не выглядела реализующейся в публичном пространстве региона, требуется не допустить мифологизации культурных событий и фактов, произвести ревизию социокультурного опыта прошлого и настоящего, дать критическую оценку явлениям культурного «высокомерия» или маргинализации.

Причина неудачи интеграции регионального пространства в российском обществе, на наш взгляд, заключается в том, что по существу актуализируется девиз «региональная элита есть регион», что, однако, явно противоречит массовым настроениям и не соответствует реальной дефференциации культурных стилей и форм в региональном пространстве. Относительно Южно-Российского региона актуальность представляет субъектно-субъектный подход, содержащий критерии идентичности и жизни стилевых особенностей с одной стороны и участие реальных субъектов в формировании и развитии культурной сферы в Южно-Российском регионе с другой. Исходя из того, что за истекший период регион подвергался рискам терроризма, занимает пограничное состояние и является

объектом внешних вызовов, для повышения достоверности результатов исследования мы реализуем предложенную критериальную систему.

Результаты исследования. Реализуя избранную методологическую схему, преследующую целью проанализировать культурную безопасность как базовое условие устойчивого регионального развития в контексте Южно-Российского культурного региона, обоснованно обратить внимание на следующие исследовательские акценты. Во-первых, важно понять, что представляет собой система культурной безопасности в Южно-Российском регионе, в каком она находится состоянии как результат формирования и развития культурной сферы региона. Во-вторых, это не менее важно с точки зрения проблематики исследования, необходимо определить культурные достижения и культурные риски, формирующие социокультурное пространство региона. В-третьих, следует определиться с характером и диапазоном влияния культурной безопасности на устойчивое региональное развитие, тем самым выявить тренды культурной безопасности, расширяющие возможности влияния на настоящие и будущее региона, и определить узкие места, которые без должного внимания и учета могут трансформироваться в долгосрочные кризисные тенденции.

Культурная безопасность Южно-Российского региона является «плодом» внутренних и внешних факторов. Это важно обозначить в связи со следующим: может возникнуть определенная путница как следствие принятия недостоверных положений относительно того, что является целями, ориентирами и задачами культурной безопасности на современном этапе. Следует понять, что культурная безопасность в Южно-Российском регионе переживает период перемены векторов от реализации стратегических целей к регионализации, влияние на сложившемся социокультурном контексте региона, который, являясь российским пограничьем и испытывая воздействие внешних вызовов, по внутренним критериям характеризуется относительной стабильностью. Отсюда иногда делается ошибочный вывод, что проблемы устойчивого регионального развития определяются в целом социально-экономической ситуацией, зонами территориальной бедности, разрывом во внутрирегиональном развитии, соперничеством региональных элит. Культурная составляющая, таким образом, становится периферийной, производной от развития других сфер общественной жизни региона. Немаловажным при этом можно считать, что практически не определяются субъекты регионального развития и анализ сосредотачивается на состоянии региональных элит. Не отрицая данных положений, мы с акцентом на состояние культурной безопасности региона обязаны сказать, что культурная безопасность является измерением культуры как организации уклада в жизнь региона, что возникновение рисков экстремизма и сепаратизма во внутрирегиональной жизни является результатом социокультурных различий, которые транслируются в маркеры дистанцирования и эксклюзии [3], что возможности культурной безопасности состоят в том, чтобы субъекты регионального пространства являлись участниками и партнерами в социокультурном развитии региона, которое, как мы выявили ранее, обретает качественные параметры, влияющие на социальный рост региона.

Как выяснили российские исследователи, в середине 2000-х гг. для России в целом на уровне солидаристской культуры основаниями являются территория (54%), государственный язык (49%), историческое прошлое (49%), общие символы (32–37%), ответственность за судьбы страны (32%) [3]. В контексте исследования важно подчеркнуть, что региональные показатели в целом совпадают с общероссийскими, но есть определенные особенности, которые важны при анализе состояния культурной безопасности Южно-Российского региона. Южно-Российский регион по культурно-историческим параметрам содержал и содержит территориальность как фактор, влияющий на сохранение архаистских форм (землячество и клановость), так и импульсы горизонтальной мобильности. Сейчас Краснодарский край является сферой усиленной внутрирегиональной миграции, и здесь немаловажную роль играет совокупность условий, благоприятствующих притоку населения внутри региона (природно-климатические, экономические, финансо-

вые). Но в культурном аспекте возникает неоднозначная ситуация, определяемая тем, что земельный вопрос и конкуренция на рынке труда приводят к актуализации схем «свой-чужой», «коренные-приезжие». Не меньшее значение имеет «подпитка» старых исторических «обид» (с одной стороны, адыгейский вопрос, депортации в исторической памяти калмыков, неоднозначность казачьего фактора, ориентированного на интеграцию казачества в государственные и общественные структуры региона, с другой — дискриминация и как следствие радикализация казачьих структур, что выявилось в рамках решения так называемого «турко-месхетинского» вопроса).

Важно, что катализаторами социальных рисков становятся вопросы исторической памяти, актуализация болезненных тем внутрирегиональной жизни, и здесь следует отметить, что влияние внешнего фактора не является значимым. Если обратиться к попыткам украинских националистов раскачать ситуацию на Кубани путем обращения к сепаратистским настроениям кубанского казачества, стараниям определённых кругов Грузии вывести на международный уровень адыгейский вопрос, что было выражено в провозглашении политики бойкота Олимпиады в Сочи под знаком нерешенности адыгейского вопроса, возвращения исторической справедливости по отношению к шапсугам, садвам, убыхам [5], очевидно, что инициаторы подобных акций не учитывают изменения по отношению к данным проблемам на уровне укрепления государственно-гражданской идентичности в регионе и ставки на группы и движения, не имеющие статуса социальной субъектности, не обладающие влиянием на население регионов и поддерживаемые зарубежными фондами и структурами. Таким образом, культурная безопасность Южно-Российского региона формируется под влиянием внутренних факторов, и нынешняя ситуация показывает, что в сфере культурной безопасности существует определенная стагнация, дефицит новых форм культурной жизни.

Вопросы культурной безопасности возникают в связи со следующим: на контекст внутрирегиональной дефференциации, что обуславливает различия в воспроизводстве организации жизни, накладывается процесс деруралиации, который не совпадает с урбанизацией, характеризуемой переселением в города социокультурной модернизации, и является следствием депрессии сельской местности, когда жители села в массовом порядке переселяются в города, где функционируют социальная инфраструктура, логистика, есть возможности для постоянной работы. Являясь вынужденными переселенцами (а это ярко выявляется в Калмыкии, где столица обросла «самостроем»), их обитатели находятся в состоянии культурной маргинализации. Данный слой является адресатом радикалистских настроений, испытывает неприятие новых культурных трендов, но при этом потерял традиции уважения и трудолюбия [6].

В таком контексте культурная безопасность не является предпочтительной по отношению к административно-правовым акциям и приоритету правоохранительных структур. Однако ясно, что при этом культурная безопасность только замораживается и способна в любой момент в любом месте принять характер массового неорганизованного протеста, который может использоваться силами, заинтересованными в дестабильности региона или в результате конкуренции внутри региональных элит. Исходя из этого фактора, можно говорить о том, что культурная безопасность региона нуждается в разнообразии форм и методов воздействия, создании «матрицы», способной интегрировать государственные и общественные структуры для устойчивого регионального развития, а группы культурного риска стимулировать к принятию форм возможного участия в культурной жизни Южно-Российского региона. Например, культурная депрессия в северных и восточных районах Ростовской области, Калмыкии и Астраханской области, вызванная оттоком молодежи, разрушением очагов культурной жизни, является негативной по своим последствиям для культурной безопасности региона, так как возникают возможности для радикализма и экстремизма, что подтверждалось наличиями ячеек террористов в период российско-чеченских войн, ростом религиозного сектантства и воинствующего исламизма в определенных слоях регионального социума. Если диагноз культурной безопасности не является формальным, а определяется содержательными параметрами и харак-

теризует изменения массовых настроений субъектов регионального социума, формируется модель прогностики культурных рисков и достижений [6].

Социальные презентации, характерные для предшествующего периода Южно-Российского региона, имеющие богатую «выставочную» историю, ориентируются на региональные элиты как отчет перед федеральным центром. Следует, однако, отметить, что в основном это является «проходной вещью», не актуализируется в массовом сознании. Вероятно, именно в момент «истины», требующий определить существенное место культурной безопасности в устойчивом региональном развитии, есть запрос на рациональное и убедительное объяснение того, что происходит в региональном пространстве, является следствием неоднозначных процессов деурализации и нравственного упадка. Не менее характерно, что практикуемые культурные акции в основном опираются на предшествующий советский период и в этом смысле могут только имитировать консолидационные основания.

С другой стороны, требуются измерения культурных инноваций, связанных с молодежными субкультурами, с теми отношениями и влияниями, которые сложились в молодежной среде и имеют ориентированность либо на «внутреннюю миграцию», либо на принятие возможных вариантов участия в культурной жизни региона [4]. Здесь необходимо подчеркнуть, что деятельность молодежных субкультур до сих пор оценивается осторожно со стороны властных структур, определённым образом понимается как деструктивная активность, не обладающая конкретным воздействием на вектор регионального устойчивого развития. В этом смысле следует подчеркнуть, что для Южно-Российского региона в целом свойственен традиционализм, обращение к традиции как актуализируемому богатому наследию, особенно в этнокультурной истории региона. Однако, репрезентации современной культурной жизни региона не могут быть объяснены только традиционализмом, тем, что для региональных элит, определяющих вектор жизни региона, это является следствием формирования как личности (советский и постсоветский периоды), так и стремлением маргинализовать культурные тренды, содержащие риски «ломки» и «утраты» традиционных ценностей, особенно по отношению к государству, власти, семье как дисциплинарным структурам.

Заметим также, что есть определенная идеологическая составляющая, связанная с политикой централизации регионального пространства, где приоритетными являются не отношения к общим символам, а общность исторической судьбы, понимание важности «порядка», и на это отношение влияет изменение социально-возрастной структуры населения региона, в которых воспроизводятся общероссийские возрастные показатели. В таком контексте культурная безопасность воспринимается исключительно как акции административного воздействия или разоблачения инвазийной культуры. Однако, в отличие от предшествующего советского периода поликультурная неоднородность Южно-Российского региона определяется реальностью накопившихся социокультурных противоречий, которые внешне выглядят «бледно» на фоне социально-экономических и социально-политических проблем, но могут являться импульсом для выхода на поверхность массовых или локальных протестов. Поэтому в контексте культурной безопасности определяющим является не стремление «гомогенизировать» культурное пространство, адаптировать требования культурной безопасности к изменяющимся региональным условиям, а расставить приоритеты таким образом, чтобы использовать одни схемы для зон регулирования, другие — для пространств культурных инициатив. Характерно, что регион дал достаточно имен для так называемой элитной культуры.

Резюме. Исходя из материалов исследования, напрашиваются и являются обоснованными следующие выводы.

Во-первых, культурная безопасность в концептуализированном виде является условием организации и закрепления жизненных укладов регионального социума, направлена на поддержание и обеспечение устойчивого регионального развития. Это мы выявили, исходя из того, что устойчивое региональное развитие характеризуется актуализацией социокультурных изменений, повышающих в той или иной мере и адаптационные спо-

собности субъектов регионального развития, и их способность к позитивной мобильности на благоприятные социальные изменения.

Во-вторых, основываясь на специфике Южно-Российского региона как поликультурного и пограничного, культурная безопасность определяется возможностями блокирования внутренних и внешних вызовов, а мы выяснили, что наибольшей инвазией обладают внутренние вызовы как следствие конфликтных ситуаций, связанных с рецидивами экстремизма и сепаратизма, а также последний период с угрозой террористических акций, определяемых влиянием радикальных течений в исламе.

В-третьих, современное состояние культурной безопасности в основном образует конфигурацию традиционности, что совпадает с ориентацией региональных элит на привычные формы культурного развития, определяемого народностью и государствоцентризмом. И в данном контексте дискурс культурной безопасности включает субъекты регионального социума на уровне близости и лояльности к региональным элитам и российскому государству.

В-четвертых, особо следует подчеркнуть, что в современных условиях культурная безопасность Южно-Российского региона содержит вектор изменений, определяемых такими равноправными процессами, как деруралиация и культурная маргинализация бедных слоев населения, в основном сельских жителей, а также влиянием молодежных субкультур, которые находятся в состоянии бифуркации, характеризуемой ростом интереса к участию в региональных инициативах и в то же время непреодоленным порогом недоверия к властным структурам.

Список источников

1. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса. Кн. 1. Ростов-на-Дону, Таганрог: Издательство Южного Федерального университета, 2018. 278 с.

2. Гудков Л. Негативная идентичность. М.: Новое литературное обозрение «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.

3. Имплементация зарубежных моделей национальной интеграции, ценностной политики и институциональных практик в сфере межэтнических отношений в российских условиях / Отв. ред. Ю.Г. Волков. М.: Социально-гуманитарное знание, 2017. 332 с.

4. Культурология. XX в. Словарь. СПб.: Университетская книга, 1997. 640 с.

5. Попов А.В. Управление регионами. Ростов-на-Дону: СКНЦ ВШ, 2001. 398 с.

6. Проблемы теоретической социологии. Вып. 11. СПб.: Астерион, 2016. 256 с.

7. Региональная социология в России. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. 480 с.

8. Региональная социология: проблемы консолидации социального пространства в России. М.: Новый Хронограф, 2015. 624 с.

9. Социально-культурная консолидация в условиях модернизации современной России. Майкоп: АГУ, 2013. 588 с.

10. Яницкий О.Н. Россия как общество риска: методология анализа и контуры концепции // Общественные науки и современность. 2004. №2. С. 5–15.

References

1. Volkov Ju. G., Lubskij A.V. Rossijskaja real'nost' v prostranstve sociologicheskogo diskursa. Kn. 1 [Russian reality in the space of sociological discourse. Book 1]. Rostov-on-Don, Taganrog: Izdatel'stvo Juzhnogo Federal'nogo universiteta, 2018. 278 p. (In Russ.).

2. Gudkov L. Negativnaja identichnost' [Negative identity]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie «VCIOM-A», 2004. 816 p. (In Russ.).

3. Implementacija zarubezhnyh modelej nacional'noj integracii, cennostnoj politiki i institucional'nyh praktik v sfere mezhjetnicheskih otnoshenij v rossijskih uslovijah [Implementation of foreign models of national integration, value policy and institutional practices in the field of interethnic relations in Russian conditions]. Otv. red. Ju. G. Volkov [In Yu. G. Volkov (eds.)]. Moscow: Social'no-gumanitarnoe znanie, 2017. 332 p. (In Russ.).

4. Kul'turologija. XX v. Slovar' [Cultural studies. XX century. Dictionary]. Saint Petersburg: Universitetskaja kniga, 1997. 640 p. (In Russ.).

5. Popov A.V. Upravlenie regionami [Regional management]. Rostov-on-Don: SKNC VSh, 2001. 398 p. (In Russ.).

6. Problemy teoreticheskoj sociologii. Vyp. 11 [Problems of theoretical sociology. Issue 11]. Saint Petersburg: Asterion, 2016. 256 p. (In Russ.).

7. Regional'naja sociologija v Rossii [Regional sociology in Russia]. Moscow: Jekslibris-Press, 2007. 480 p. (In Russ.).

8. Regional'naja sociologija: problemy konsolidacii social'nogo prostranstva v Rossii [Regional sociology: problems of consolidation of social space in Russia]. Moscow: Novyj Hronograf, 2015. 624 p. (In Russ.).

9. Social'no-kul'turnaja konsolidacija v uslovijah modernizacii sovremennoj Rossii [Socio-cultural consolidation in the conditions of modernization of modern Russia]. Majkop: AGU, 2013. 588 p. (In Russ.).

10. Janickij O. N. Rossija kak obshhestvo riska: metodologija analiza i kontury koncepcii [Russia as a risk society: methodology of analysis and contours of the concept]. *Obshhestvennye nauki i sovremennost'* [*Social sciences and modernity*]. 2004; (2): 5–15. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.03.2022; одобрена после рецензирования 12.04.2022; принята к публикации 18.04.2022.
The article was submitted on 25.03.2022; approved after reviewing on 12.04.2022; accepted for publication on 18.04.2022.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Тихоновскова Светлана Александровна — кандидат экономических наук, доцент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana A. Tihonovskova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshchenya st., Novocherkassk, Russia